

Переславский сад

В Ярославле, в областном управлении лесного хозяйства, о Харитонове рассказали: «Заслуженный лесовод РСФСР, лесничий городского лесничества Переславского лесокомбината; создал прекрасный дендропарк, который Карловским университетом Чехословакии включён в Международный каталог ботанических садов; вырастил в районе отличные леса, а местный историко-художественный музей посвятил его деятельности специальную экспозицию, установив рядом с нею его мраморный бюст...» Уже одно это обещало интересную встречу.

Езды от Ярославля до Переславля два часа автобусом. В полдень я был уже там и разговаривал с тем самым Сергеем Фёдоровичем — семидесятилетним лесоводом, чьё имя произносится здесь не иначе как с глубочайшим почтением. Исключительной белизны волосы, озабоченный взгляд. Отвечает на мои вопросы, а сам, как показалось, думает о чём-то своём. И вообще Харитонов выглядел вначале слишком уж сердитым и даже ворчуним. «Славы мне не надо, — проговорил сразу, глядя куда-то в сторону и желая, по-видимому, проводить меня с миром туда, откуда пришёл. — Комиссия тут ещё какая-то приезжает. Все только смотрят и смотрят. Дали бы лучше под дендрарий не двадцать гектаров, как сейчас, а сто, — дело было бы. А так — разговоры, разговоры...»

В конце концов сошлись с ним на том, что вечером встретимся и поговорим. Квартира его — это что-то уникальное. Не то жилое помещение, не то институтская лаборатория, не то лесной или художественный музей какой-то. Пахнет хвоей, свежестью только что спиленного дерева, и ещё — пренебрежением к традиционному домашнему укладу. Харитонов бобыль. Развесил на стенах срезы двухсотлетних сосен с надписями, подобными этой: «Такое дерево сгубили. За что?»; берёзовые чурбаки с причудливыми наростами и наплывами; у двери застеклённый витраж «Виды семян»; а в одном месте я заметил самую обыкновенную, на первый взгляд, горбылину. И повсюду, даже на потолке, деревянные скульптуры, рельефы, барельефы, горельефы, поделки из корней, сучьев, наплывов, пней.

Стол Сергея Фёдоровича заслуживает отдельного описания. Ну, во-первых, он весь завален — спичечный коробок некуда положить. Опять-таки деревянные скульптуры, книги и гора — да, целая гора — объёмистых почтовых пакетов. Надписи на самых разных языках: на казахском, чешском, польском, болгарском, шведском, английском, немецком, итальянском. Это только то, что я успел заметить.

Так вот, Харитонов увидел, что я их рассматриваю, выждал некоторое время и произнёс в своей манере — отрывисто:

— Семена здесь. С тех пор, как включили нас (он имел в виду лесничество) в Международный каталог ботанических садов, имеем возможность получать нужные семена со всех концов света. И сами, разумеется, предлагаем, что можем...

Потеплел наконец-таки лесничий, разговорился, а то ведь ни в какую! Показал каталог. Объёмистая книга, на разных языках в которой записаны адреса и краткие характеристики всех ботанических садов мира. В разделе СССР записано на английском и русском: «Ботанический сад Переславского лесничества. Ярославская область». Это единственное в мире лесничество, попавшее сюда и пользующееся соответствующими правами. Хоть виду Сергей Фёдорович и не подавал, чувствовалось, однако, что он горд признанием. Это и понятно. Ведь в той строчке уместилось дело почти всей жизни человека...

Впрочем, «Лесная промышленность» уже писала о нём однажды. Лет восемь назад на её страницах промелькнула маленькая информация о том, что в Переславлe растёт виноград. Это дело рук Харитонова. Спрашивается: зачем он был нужен ему, лесоводу? За ответом придётся

идти далеко, в первый послевоенный год, когда Сергей Фёдорович в поисках пропавшей семьи вернулся в Переславль. Перенесённые страной и им самим муки, голод сделали Харитонов до странности замкнутым, каким-то печальным и не в меру задумчивым. «Сад, — вдруг неожиданно для себя он подумал однажды, — сад, вот что надобно создать. Большой, нет — огромный! Чтобы расцветал он по весне красками радости, счастья, чтобы каждый человек мог свободно пользоваться его плодами». Так и начинался знаменитый Переславский ботанический сад...

— Вот вы, молодой человек, — спросил меня Харитонов с запальчивостью человека, увлечённого какой-то важной для себя мыслью, — да, именно вы. можете ли мне сказать: почему люди даже в самые мрачные моменты жизни — ужасные, адовы, держатся за неё, однако, так сильно, насколько это возможно?

И сам тут же ответил:

— Да потому, что в человеке необычайно сильна вера в неистребимость добра, в неистребимость радостного, счастливого. Всё зло временно, считает он наперекор потрясениям, сады же — вечны...

Сейчас в харитоновском дендрарии более тысячи пятьсот пород и форм деревьев и кустарников. Найдёшь здесь растительность Памира, Дальнего Востока, Средней Азии, Якутии, многих зарубежных стран. Восемь видов сосны, шесть лиственницы, бархат амурский, маньчжурская аралия, пробковое дерево, грецкий орех, рябина черноплодная, японская вишня — каких только нет! В начале шестидесятых годов Сергей Фёдорович заложил здесь уголок природы Чехословакии. Но не ради самого только сада создаётся вся эта красота, нет. В мечтах своих лесовод забирается ой как далеко. Ему важно так обогатить русский лес средней полосы, чтобы был он в конце концов и сказочно богатым, и сказочно красивым.

— Венский лес, Булонский лес! — проговорил Харитонов с нескрываемой досадой. — Разве могут равняться они с нашими лесными раздольями. Но поди ж ты, звучат тем не менее громко, на весь мир. Так почему, я думаю, не сделать так, чтобы славу их затмил какой-нибудь обыкновенный для нас Переславский, к примеру, лес. Огорчает, очень огорчает меня, да и одного ли меня, что есть ещё люди, уповающие только на брёвенно-дровяной характер лесного хозяйства. В нашем районе было около пяти тысяч гектаров прекрасного лесного ореха. Так нет, вместо того чтобы по-хозяйски использовать эту плантацию, её вырубает. Как никому не нужный кустарник...

На приусадебном участке Харитонов испытывает около двухсот пород деревьев и кустарников. В том числе и такие диковинные для этих мест растения, как женьшень. Я видел сам, растёт он прекрасно. А ещё тут много цветов. Одних только роз около тридцати видов. Старик отдаёт участку всё свободное время и горд, и радостен, и счастлив непомерно, когда очередной эксперимент заканчивается удачно. В лаборатории он становится совершенно иным человеком: приветливым, энергичным, весёлым, остроумным, молодым. «Лес не только бревно, не только доски, это прежде всего сад...» — неустанно повторяет он. И доказывает это всей своей жизнью.